

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ
БОРИС ОРЛОВ

ВОЙНЫ КРОВИ

ВОСХОЖДЕНИЕ
ЧЕРНЫЙ ПОТОП
АЛЬВАРИ
КОНЦА СВЕТА НЕ БУДЕТ

Москва

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ
БОРИС ОРЛОВ
ВОСХОЖДЕНИЕ

Вступление

Грузовик, что проехался по мне и моей жизни, я и не помню. Помню, как шагнул от ларька на разогретый солнцем асфальт, испуганные глаза мамы и ощущение ее теплой руки, которая с неожиданной силой толкает меня в сторону. Потом что-то заслонило солнце, глухой удар и ощущение полета. А потом легкое движение полета резко сменилось на тягучее и медленное движение. Нет, это было совсем не так, как во сне, когда движение приятно, а картинки, словно из рекламных проспектов. В этот раз все было по-другому. Я не только ощущал себя подвешенным в воздухе, но и видел происходящее так ясно, словно оно происходило на самом деле. Меня затягивало в воронку вместе с густым и тягучим желе. Пока я находился на периферии этого движения. Но я не обольщался — шесть или около того оборотов, и я буду точно в центре.

Движение было медленным и неотвратимым. А там, в центре воронки, туманными тенями ритмично мелькали лопасти какого-то механизма. И я словно знал, что от этого мелькания в конце концов будет мне полный абзац и капец.

Эта мысль заставила меня двигаться в противоположном направлении, но то, что было вокруг, было слишком густым и двигалось неотвратимо. Пометавшись, я то впадал в истерику, то придумывал новый способ покинуть тягучий кошмар. Пару раз я даже пытался проснуться, но от этих попыток становилось только хуже. На какое-то время желе становилось более жидким, что позволяло мне продвинуться на пару метров к краю, но затем что-то происходило, и я оказывался в еще более густом месиве.

В конце концов, я так устал, что какое-то время просто безучастно ждал, пока лопасти не перемелют меня, словно кусок мяса. Уже можно было разглядеть отдельные части машины, что втягивала меня в свое нутро, как меня вдруг осенило. Ведь если это мой сон, то я тут хозяин?

Почему-то я не стал делать кисель вокруг меня более жидким.

Сразу я сконцентрировался на самом механизме.

Сначала я стал представлять себе, что он вдруг остановился, потом, что стал двигаться в другую сторону. Ничего не помогло. И только тогда, когда я стал представлять себе, что от тяжелой массы, что давит на лопасти, от них потихоньку начинают отваливаться кусочки, дело пошло.

Я сразу сконцентрировался на том месте, где лопасти крепятся к оси. Сначала кисель вокруг лопастей стал немного темнее, а затем вообще черным. Не отвлекаясь ни на что, я сконцентрировался, как мог, на проклятой мясорубке, пока с легким звоном не отломилась сначала одна, потом другая, а затем и остальные лопасти.

Проснулся я от яркого света, бьющего прямо в глаза. Проморгавшись кое-как, я оглядел обстановку вокруг. Больничная палата, с кучей каких-то приборов.

Почти сразу же в палату быстрым шагом вошла девушка и остановилась возле меня.

— Проснулся? Вот и здорово. Есть хочешь?

Почему-то я сразу обратил внимание, как она говорит. Быстро, словно боится, что ее перебьют. У нас в школе так говорили, когда хотели, чтобы учитель думал, что они все знают.

И еще...

Она совсем не улыбалась. Даже не делала попытки. Нервно теребила свой халатик, быстро переставляла какие-то склянки и все говорила, говорила, говорила.

Но в отличие от нее у меня с головой было все в порядке. И мне не надо было складывать два и два, чтобы понять, ЧТО именно произошло в моей жизни.

— Мама... Папа... — Я сглотнул, преодолевая сухой ком в горле. — Что с ними?

И мгновенно по сбившейся походке, по испуганному взгляду понял. Все.

Их нет.

И, уронив голову на подушку, завыл, срывая голос.

Дежурный врач, просматривавший истории болезни, услышал странный, рвущий перепонки звук и, выронив от неожиданности папки с бумагами на пол, кинулся на второй этаж, откуда доносился этот нечеловеческий вой.

И уже вбегая в палату, успел увидеть, как тряпичной куклой валится на пол безвольное тело медсестры и мелкой искристой крупой осыпаются оконные стекла.

Мальчишку, конечно, жалели. Потерять в один день и отца и мать было жутко. Но главврач очень хотел большой красивый внедорожник, на котором так здорово катать медсестер и где есть место для других забав, не глядя подписал заключение о переводе парня в психоневрологический диспансер, в простонародье именуемый «психухшкой».

Ушлая сестра покойной затеяла это все с видами на огромную трехкомнатную квартиру в центре Москвы. А имея такие виды, была весьма щедрой.

А парень? Без семьи, протекции и всего прочего, что обеспечивают папа с мамой, был все равно обречен. Если не на иглу наркомана, то на бутылку уж точно.

Муж Вали, клерк из Минздрава, сделал так, что клиника, куда определили Сашу, находилась даже не в другом городе, а в небольшом райцентре, негласно служившем местом ссылки для таких, как он, неудобных пациентов.

Минздрав в бозе почившего СССР развалился, и районные больницы, диспансеры и клиники принимали иной раз столь странные формы, что любого специали-

ста, будь он хоть светилом с мировым именем, хоть просто старательным выпускником «медина», при попытке разобраться в структуре такого заведения неминуемо хватил бы удар. Отделения, где непонятно кого лечили по непонятно каким методикам, VIP-палаты, в которых новых хозяев жизни выводили из запоев, спецбоксы, где за немалую плату бились в ломке головой о мягкие стены несовершеннолетние наркоманы — потомки состоятельных родителей...

Вот в такой спецбокс по настоянию родной тети и перевезли безучастного ко всему Сашу.

В какой-то степени Сашке повезло. Он оказался изолированным от других пациентов и иных реалий психбольницы. Его просто «передерживали», чтобы сначала взяться за него по-настоящему, а потом, сломленного морально и психически, без помех отправить в интернат для таких же, как он, бедолаг.

А Саша понемногу оживал. Его уже не так мучили кошмары, в которых он убегал от взбесившегося грузовика и безуспешно пытался спасти папу и маму.

Таблетки он не пил принципиально. Это еще от папы осталось. Тот тоже никогда не пил никаких лекарств, но, кстати, никогда и не болел. Вообще семья Васильевых была странной с любых точек зрения. Они даже обыкновенный чай никогда не пили. Вместо чая мама Саши заваривала ароматные травяные сборы, которые привозила откуда-то из деревни.

Папа работал где-то в министерстве и часто бывал в командировках. Достаточно редко бывая дома, он всегда привозил из командировок разные вкусности, которые мама и сын с удовольствием поедали.

В эти дни они вместе шли куда-нибудь гулять и обязательно заходили в магазин игрушек.

Иногда заходила тетя Валя. Но мама не очень-то жаловала родную сестру. В основном за то, что та была пол-

ной противоположностью маме. Валя обожала сериалы, смотрела «Конюшню-2» и иных тем для обсуждения с сестрой — доктором философских наук — себе не представляла.

Папа же, наоборот, относился к Вале снисходительно и на все гневные тирады мамы что-то долго рассказывал о тупиковых ветвях эволюции и прочих непонятных вещах.

Странно, но снисходительно-внимательный папа вызывал в Вале куда более сильную реакцию, чем открытое неприятие мамы. Но у них в доме всегда можно было одариться какой-нибудь вещичкой или еще чего перехватить, так что Валя скрипела зубами, но от визитов не отказывалась.

Но все это было теперь в прошлом.

Молодой организм быстро брал свое, и, как только утихла черная тоска, Саша стал вставать и даже делать гимнастику. В свои четырнадцать лет он был достаточно крепким мальчиком. Тут были виноваты и гены — отец происходил из старинного казацкого рода, и сам Александр большую часть своего свободного времени, которое его одноклассники тратили на первое знакомство с водкой, сигаретами и девочками, как он говорил, «упирался рогом» в спортзале. Его как-то раз звали на вечеринку, что устраивали в квартире одного из одноклассников по случаю отъезда родителей на горный курорт. Но ему не понравилось. Табачный и еще какой-то смолистый дым, запахи невымытых тел и спирта, какофония, несущаяся из колонок... Он очень быстро ушел отсюда.

А по дороге домой все сравнивал пахнувший сосновой смолой зал Додзё, аккуратных подтянутых мальчишек и девчонок с такими не похожими на них одноклассниками.

Но о чем бы он ни думал, все равно мысли его, словно бумеранг, возвращались к тому дню. Мог ли он помочь? Почему он, такой собранный, вдруг так расслабился?

Глядя на лето за убраным в толстую решетку окном, Сашка вдруг представил себе их уютную квартиру и теплые мамины руки и резко дернул решетку на себя.

Вопреки ожиданиям она, пусть немного, но поддалась. Сашка внимательно, сантиметр за сантиметром осмотрел окно и решетку.

Не ремонтировавшийся с царских времен корпус прогнил насквозь, и стальные прутья, еще способные удерживать буйного, но не вполне нормального человека, уже были не способны противостоять человеку пусть и не очень сильному, но изобретательному. Был бы кусок металла... Но единственным металлическим предметом в комнате была кровать, накрепко привинченная к полу и с наглухо заклепанными сочленениями.

Пока мозг торопливо перебирал варианты, Сашка вдруг поймал себя на мысли о том, что ему вовсе не безразлично окружающее. У Александра вдруг появилась цель. Сбежать из психушки. Что он будет делать потом, его как-то не очень беспокоило. Как крайний вариант всегда оставался Додзё, куда можно было прийти хоть ночью и не бояться быть выгнанным наставником.

Шальная мысль, молнией прострелившая его голову, заставила его нервно ходить взад-вперед по крошечной, обитой мягкими матами комнатенке.

Мысль о побеге из душных и враждебных стен туда, в лето, захватила его целиком. Он не животное и не позволит держать себя в клетке!

Инструмент... Без инструмента, а точнее без маленького куска твердой стали, и думать нечего выкорчевать решетку. Но где его достать?

Саня облазил всю комнату в поисках такого предмета и, естественно, ничего не нашел. Но словно чувствуя близкий запах такого нужного ему металла, повторял попытки раз за разом, пока не обессилел.

Умом он, конечно же, понимал, что никакого железа в комнате для буйных быть не может по определению. Но он еще понимал то, что живет не в Германии, где то, чего

быть не может, не может быть никогда. В России даже в камере для смертников рабочие могут оставить, а контролеры не заметить огромного гаечного ключа.

Мысль о куске стали захватила его целиком.

«Нужное вам знание всегда рядом. Необходимо только отделить его от шума, что не дает вам покоя. Настройтесь на это знание. Придайте ему эмоциональную окраску. Только не очень сильную. Придайте ему запах. Ищите запах, ищите эмоцию...»

Слова наставника вспыхнули в голове словно транспарант. Саша усилием воли успокоил дыхание, затем пульс и медленно погрузился в медитативное состояние. Обычно ему требовалось от пяти до десяти минут, чтобы поймать нужный настрой. Но тут все получилось намного быстрее и словно само.

Нетвердой походкой лунатика парень подошел к двери и провел чуткими, словно у слепого, руками по волнистой обшивке.

Через несколько сантиметров, он нащупал едва заметный бугорок, тянувшийся, словно шов, вдоль складки покрытия стены.

Едва скрепленный хлебным мякишем шов беззвучно разошелся, и в крошечном кармашке из выщипанного поролона, пальцы нащупали прохладный материал.

Словно удар, мгновенно подскочившая температура и резкое сердцебиение вернули Сашку на землю. Аккуратно, словно боясь сломать, он вынул из обшивки стены нож.

Не кухонный огрызок, измочаленный долгими годами службы, и не тряпичное изделие безвестных китайских мастеров. Полоса остро заточенной стали с рукоятью, обмотанной скрученными в плотный жгут и пропитанными воском веревками.

Он заставил себя положить нож на место и лечь.

Теперь у него есть не только цель, но и средство.

Дело за малым.

День за днем он медленно подтачивал дерево вокруг решетки, ослабляя ее крепление. Хорошая сталь клинка

успешно справлялась не только с деревом, но и с камнем, в который были вмурованы горизонтальные прутья.

Ему оставалось уже совсем немного, когда однажды ночью он был разбужен запахом гари. Он походил по комнате, приюхиваясь, затем шагнул к двери и приблизил лицо к дырочке, что заменяла глазок.

Сомнений не было. Дым шел из коридора.

Он сначала тихо, затем сильнее забарабанил в дверь, но мягкая обшивка гасила почти все звуки. Затем он услышал крики санитаров и их беспорядочную беготню.

Зазвенели выбиваемые стекла, и крики стали громче.

Он все ждал, что дверь откроется и его выведут наружу, но запах дыма становился все сильнее, звуки все тише, а помощь не прибывала.

И тогда он решился.

Быстро подскочив к окну, схватился за прутья руками и дернул что есть силы на себя. Массивная решетка скрипнула, слегка поддалась одним краем, но устояла. Сашка еще несколько раз попытался выдернуть прутья, но только сбил дыхание.

В комнате стало ощутимо жарче. Он оглянулся в сторону двери и замер. Дырка в двери светилась красным, словно лампочка.

В отчаянии он рванул прутья и чуть не упал под тяжестью вышедшей из пазов решетки. Затем он рукоятью ножа раскрошил стекло и, перегнувшись через подоконник, посмотрел вниз.

В свете выбивавшихся из оконных проемов языков пламени он разглядел и куст под деревом, и клумбу чуть в стороне.

Взобравшись на подоконник, Сашка аккуратно свесил ноги и, качнувшись, прыгнул вперед. Приземляясь, чуть не вывернул руку с зажатым в ней ножом, но, мягко перекувыркнувшись, встал на ноги. Тело и голова действовали словно отлаженный механизм. Первым делом он спрятал нож в импровизированных тряпичных ножнах под курткой больничной пижамы и рысью, на полусогну-

тых, метнулся к противоположному крылу больницы, где располагался приемный покой и склад.

На его счастье, весь персонал и больные находились сейчас со стороны фасада, где шла эвакуация. Часть санитаров, не занятая имитацией борьбы с огнем, выводила людей и сажала их на траву перед входом. Тех, кто буянил, осаживали электрошокером и дозой транквилизатора из пневмоинъекторов.

Но все это сейчас мало заботило Александра. Негромко ругаясь, он с помощью ножа пытался взломать дверь черного хода. Наконец проржавевший замок, видимо, посчитав свою миссию по сопротивлению взлому законченной, сдался.

Пробравшись по короткому, захламленному до потолка коридору, Сашка попал в небольшой зал, куда выходили несколько комнат и откуда вел коридор на улицу и внутрь больницы.

Дымом уже не просто пахло, но удушливо воняло. Особенно это было заметно после глотка свежего воздуха на улице.

Дверь камеры хранения тоже не сопротивлялась долго. Александр просто отжал ее от косяка лезвием ножа и проскользнул внутрь.

Ему требовалось нечто неброское и практичное. Не заботясь о порядке, он выдергивал с вешалок одежду и примерял ее, приложив к плечам. Наконец что-то похожее было найдено. Дешевый спортивный костюм и такие же кроссовки.

От костюма отвратительно пахло какой-то синтетикой и дезинфекцией. Преодолевая брезгливость, Саня натянул одежду и прислушался. Судя по мельканию в окнах света проблесковых маячков, наконец-то пожаловали пожарные. Он выполз в коридор и был неприятно удивлен, что от плотного дыма видимость в коридоре практически отсутствовала.

С короткой мыслью «форт Байярд, блин» он на ощупь двинулся в обратный путь.